

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 351.74

ПРЕОБЛАДАНИЕ ПРИЗНАКА ВРЕДНОСТИ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

А.А. Беженцев

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург

Дискуссионные вопросы осознания современной сущности административного правонарушения тесно сплетены с признанием наличия среди его признаков вредности и общественной опасности. В статье выделены три модели соотношения данных категорий как материальных признаков административного правонарушения, первая из которых заключается в том, что понятие «общественная опасность» – общее и для административных правонарушений, и для преступлений, вторая характеризуется тем, что единым для административных правонарушений и преступлений является понятие «вредность»; третья исходит из того, что для административных правонарушений основной характерной чертой является «вредность», а для преступлений – «общественная опасность». Исследователем с позиции философии проанализировано соотношение в административных правонарушениях признаков онтологического характера «вредности» и гносеологического характера – «общественной опасности».

***Ключевые слова:** вредность, степень вреда, общественная опасность, онтология административного правонарушения, гносеология административного правонарушения, состав административного правонарушения, разграничение административных правонарушений и преступлений, административная ответственность, закон диалектики.*

Проблемы понимания сущности административного правонарушения во многом связаны с признанием присутствия среди его признаков или вредности, или общественной опасности. Проблемный вопрос о том, который из озвученных присущ административному правонарушению, является дискуссионным еще с середины XX в.

Как отмечает Д.В. Мирошниченко, когда определения преступления и правонарушения зависят исключительно от власти законодворцев, то в самих этих определениях отсутствует некая социальная потребность, онтологическая основа. Допуская, что административные деликты и преступления в равной степени общественно опасны (в обоих наличествует материальный признак), надлежит также поставить вопрос о сущности административного права или, напротив, права уголовного:

«Действительно ли они настолько самостоятельны, как это многим представляется, либо их самостоятельность носит в основном искусственный характер? Критерий общественной опасности довольно зыбок и не конкретен, чтобы говорить о нем в части его действительности»¹.

Справедливым считаем утверждение М.А. Водневой, которая утверждает, что «раскрыть содержание общественной опасности деяния – значит установить все специфические признаки, участвующие в ее формировании и входящие в ее структуру, пригодные для того, чтобы объяснить, исходя из актуальных запросов и потребностей социума, почему надлежит предписать ответственность за совершение деяния»².

По мнению Н.Н. Цуканова, «общественная опасность – это неочевидный и необязательный признак административного правонарушения». Назвать общественную опасность действенным мерилom разграничения преступления и административного правонарушения довольно проблематично. С его позиции, на сегодняшний день указанная категория представляет собой, преимущественно, концентрированное средство оправдания причисления того или иного правонарушения к административным или уголовным. Проблема разграничения решается, отталкиваясь от необходимости применения или отсутствия применения мер уголовно-правового принуждения за данное правонарушение, использования той или иной процедуры привлечения к юридической ответственности, применения к субъектам запретов, ограничений и обременений, связанных с их привлечением к уголовной ответственности (в частности, судимости)³.

Однако имеются и другие мнения. Так, В.И. Майоров считает настоятельно необходимым в новой редакции КоАП РФ определение административного правонарушения дополнить такой важной характерной чертой «объективной стороны состава административного правонарушения», как общественная опасность⁴. С.М. Зырянов, отталкиваясь от степени общественной опасности, вообще предлагает выделение новой категории деликтов – уголовных проступков с включением в

¹ Мирошниченко Д.В. О проблеме разграничения административных проступков и преступлений в связи с анализом административной преюдиции в уголовном праве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 45 – 49.

² Воднева М.А. Общественная опасность деяния как материальное основание криминализации: понятие и содержание // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 136.

³ Цуканов Н.Н. Общественная опасность – неочевидный и необязательный признак административного правонарушения // Сб. ст. по материалам ежегод. всерос. науч.-практ. Конф. «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» / под общ. ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 283.

⁴ Майоров В.И. Общественная опасность административных деликтов бесспорна // Проблемы права. 2016. № 2 (56). С. 85 – 86.

рассматриваемую группу не только преступлений небольшой тяжести, но и наиболее общественно опасных административных деликтов, он полагает, что это может обеспечить соразмерность юридической ответственности⁵.

По нашему мнению, развертывание дискуссии по поводу вредоносности или общественной опасности, как признака административного правонарушения, имеет два (безусловно, связанных между собой) аспекта: политический и юридический.

Политический аспект заключается в том, что признание в административном правонарушении признака общественной опасности указывает не на его единство с преступлением, а лишь на его генетические связи с преступлением. Непризнание в административном правонарушении признака общественной опасности дает, во-первых, возможность создания концепции его особой правовой природы; во-вторых, считать административную ответственность институтом административного (управленческого) права; в-третьих, затушевать вопрос об административном судопроизводстве.

Юридический аспект этой дискуссии следует из близости административных правонарушений (деликтов) и уголовных правонарушений (преступлений). В литературных источниках прошлого века отмечалось, что указанные виды правонарушений, как социальные явления, близки между собой⁶, а границы между ними достаточно подвижны, а иногда и условны.

Однако качественные различия административных проступков и преступлений проявляют себя в применении процедуры по привлечению правонарушителя к юридической ответственности. Как известно, субъектом применения мер ответственности к преступнику является суд. Субъектом применения мер ответственности к административному правонарушителю являются в большинстве случаев, как правило, должностные лица органов управления.

Процедура привлечения к ответственности ставит простой вопрос: почему для наказания за совершение определенных правонарушений законодатель в одних случаях предпочитает административный порядок, а в других использует судебные средства? Ответом должен был стать материальной (объективный) критерий отделения административных правонарушений от преступлений.

В ходе его поиска формируются два подхода к ответу на данный дискуссионный вопрос. Согласно первому, административные правонарушения наиболее близки к преступлениям, характеризующимся значительной степенью общественной опасности, согласно второму, админи-

⁵ Зырянов С.М. О перспективах развития законодательства об административных правонарушениях // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 4. С. 486 – 489.

⁶ Кудрявцев В.Н. Природа преступного поведения и его механизм // Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. С. 8 – 11.

стративные правонарушения – это общественно вредоносные действия/бездействия, характеризующиеся самой минимальной степенью социальной опасности.

Приверженцы оценки административного деликта, как явления, не имеющего характерного признака «общественная опасность», опираются на тезис о том, что преступления – это качественно обособленный вид правонарушений и их ключевое свойство материального характера состоит в наибольшей степени опасности для социума.

В зависимости от степени общественной опасности можно говорить о трехзвенной системе административных правонарушений: 1) административные правонарушения повышенной степени общественной опасности. По составу административного правонарушения, по порядку привлечения к административной ответственности (судебный порядок) они приближаются к преступлениям (например, нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица правоохранительных органов, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей, мелкое хулиганство); 2) административные проступки незначительной общественной опасности, юридическая ответственность за которые наступает во внесудебном (административном) порядке в виде, как правило, административного штрафа (большинство административных правонарушений); 3) наименее социально опасные административные правонарушения, которые при однократном совершении не являются административными правонарушениями, но приобретают такой статус при неоднократном совершении (в общей массе). Каждое из них, отдельно взятое, лишено общественной опасности, например, одновременное хождение по газонам одного человека наносит незначительный вред и лишено общественной опасности, систематическое же хождение по газонам одного человека или хождение по газонам группы граждан – правонарушение социально опасное.

Учение об общественной опасности преступления развилось в пределах социологической школы и признается современной теорией уголовного права многих стран. Как материальный признак (внутреннее свойство) любого преступления, общественная опасность имеет количественные и качественные свойства, что в совокупности определяет тяжесть посягательства в целом. Качественное свойство – это характер общественной опасности, количественное свойство – ее степень.

Итак, в административно-правовой теории выделим три модели соотношения вредоносности и общественной опасности, как материальных признаков административного правонарушения.

Первая модель заключается в том, что понятие «общественная опасность» – общее и для административных правонарушений, и для

преступлений. Характеристики общего – это а) «степень» и б) «количество». Степень обуславливается удельным весом вреда, количество уточняется повторностью и рецидивом.

Вторая модель характеризуется тем, что общим для административных правонарушений и преступлений является понятие «вредоносность». Рост или снижение удельного веса вредоносности образуют соответствующую степень общественной опасности.

В третьей модели исходим из того, что для административных правонарушений основным признаком является «вредоносность», а для преступлений – «общественная опасность». Здесь необходимо понимать, что характер имеет качественное содержание, степень имеет количественное содержание, следовательно, рост или снижение удельного веса количественных показателей, согласно законам диалектики, влияют на качественное содержание, т.е. на характер.

В зависимости от того, какой смысл вкладывается в понятия «вредоносность» и «общественная опасность», делаются выводы: а) об их наличии или отсутствии в признаках административного проступка; б) общем характере одного из понятий по отношению к другому; в) приоритетности одного перед другим в формировании категории «административное правонарушение».

В уголовном праве вред рассматривается как начальная субстанция по определению общественной опасности деяния и его квалификации как преступления. Преступления – это общественно опасные деяния, которые вызывают или создают реальную угрозу причинения вреда, а в понятии преступления общественная опасность означает прежде всего вредоносность, вред, который уже нанесен или может быть нанесен совершением действия/бездействия, запрещенным уголовным законом. Общественная опасность, как одна из категорий преступления, характеризует его объективную вредоносность, а присутствие масштабного вреда является неотъемлемым свойством всякого преступления. Общественная опасность как свойство преступления состоит в том, что преступление создает причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны.

Общественная опасность – это гносеологическая категория. Ее не представляется реальным зафиксировать с помощью онтологического описания того, что произошло. Она устанавливается путем обследования всех симптомов и характеристик факта реальной действительности, в нашем случае – правонарушения. Изучение всего комплекса свойств правонарушения реализовывается в определенных организационных формах – делах об административных правонарушениях, уголовных делах, дисциплинарных делах. Такие дела по своему естеству представляют собой гносеологическое отражение определенного действия/бездействия. Расследование дела – это познание (исследование) факта объективной действительности, в онтологии которого были уста-

новлены признаки правонарушения (уголовного, административного, дисциплинарного).

Так, решение вопроса о возбуждении уголовного дела связывается не с наличием в действии/бездействии общественной опасности, а с наличием в каждом конкретном случае признаков и оснований для возбуждения дела – признаков преступления. В ходе расследования, путем доказывания, субъект юрисдикции доказывает или опровергает совершение лицом именно общественно опасного деяния.

По Уголовному кодексу Российской Федерации, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что к моменту расследования или рассмотрения дела в суде вследствие трансформации обстановки совершенное им деяние лишилось опасности для социума. Отметим, что речь идет именно об общественной опасности, а не о вреде или вредоносности. Этим законодатель подчеркивает, что действие теряет не онтологический признак «вредоносность», а гносеологический – «общественная опасность».

В данном контексте важным аргументом относительно гносеологичности категории «общественная опасность» является нормативно-правовая фиксация юридического значения субъективного компонента (позиции исследователя) в окончательном решении вопроса об общественной опасности деяния. Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом. Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы.

Это означает, что каждый из субъектов доказывания в пределах своей компетенции осуществляет исследование и оценку доказательств. Оценке подлежит каждое доказательство отдельно и все они в совокупности.

Конечным результатом этой деятельности является формулирование выводов по делу. При этом каждое лицо – субъект доказывания (судья, прокурор, следователь) – делает такие выводы самостоятельно и независимо от других участников процесса.

Внутреннее убеждение субъектов оценки доказательств – это своеобразное сплочение объективного и субъективного, такое положение их внутреннего состояния, при котором они убеждены в соответствии или несоответствии наличия тех или иных обстоятельств, которые имеют существенное значение для дела. Иначе говоря, внутреннее убеждение – это и результат доказывания, в том числе и оценки доказательств, и критерий этой оценки. Формула внутреннего убеждения такова: «Я принимаю такое решение потому, что внутренне убежден в его пра-

вильности, поскольку оно основано на фактах, соответствующих действительности, мною исследованных и досконально проверенных».

Побочным указанием на онтологический характер признаков административного правонарушения, зафиксированных в протоколе об административном правонарушении, и гносеологический характер признаков, содержащихся в постановлении по делу об административном проступке, следует признать терминологию, которую применяет законодатель в соответствующих случаях. Так, протокол об административном правонарушении составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится.

Учитывая вышеизложенное в новом измерении возникает вопрос о наличии в административном правонарушении такого гносеологического признака, как общественная опасность. Во-первых, общественная опасность – это объективное свойство всякого противоправного деяния, не исключением является и преступление; во-вторых, свойство опасности для социума заключается в том, что правонарушением наносится угроза причинения вреда объектам правовой охраны, такой вред заключается в дестабилизации общественных отношений, нарушениях правопорядка, законных прав и свобод граждан и организаций, ущерб наносится потерпевшему и может быть материальным, физическим, моральным.

Список литературы

1. Воднева М.А. Общественная опасность деяния как материальное основание криминализации: понятие и содержание // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 136.

2. Зырянов С.М. О перспективах развития законодательства об административных правонарушениях // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 4. С. 486 – 489.

3. Кудрявцев В.Н. Природа преступного поведения и его механизм // Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. С. 8 – 11.

4. Майоров В.И. Общественная опасность административных деликтов бесспорна // Проблемы права. 2016. № 2 (56). С. 85 – 86.

5. Мирошниченко Д.В. О проблеме разграничения административных проступков и преступлений в связи с анализом административной преюдиции в уголовном праве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 45 – 49.

6. Цуканов Н.Н. Общественная опасность – неочевидный и необязательный признак административного правонарушения // Сб. ст. по материалам ежегод. всерос. науч.-практ. Конф. «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» / под общ. ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 283.

Об авторе:

БЕЖЕНЦЕВ Александр Анатольевич - начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург), подполковник полиции, кандидат юридических наук, доцент (198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова д. 1). E-mail: adovd@mail.ru

PREVALENCE OF A SIGN OF HARMFULNESS OR PUBLIC DANGER IN AN ADMINISTRATIVE OFFENSE: ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL APPROACHES

A.A. Bezhentsev

Saint-Petersburg University

The discussion questions of the awareness of the modern nature of the administrative offense are closely intertwined with the recognition of the presence of harmfulness and public danger among its signs. In the article, the author singles out three models for correlating these categories as material signs of an administrative offense: the first of which is that the concept of «public danger» is also common for administrative offenses and crimes; the second is characterized by the fact that the concept of «harmfulness» is common for administrative offenses and crimes; the third proceeds from the fact that for administrative offenses the main characteristic feature is «harmfulness», and for crimes – «public danger». From the perspective of philosophy, the researcher analyzed the correlation in administrative offenses of the signs of the ontological nature of «harmfulness» and the epistemological nature – «public danger».

Keywords: *maliciousness, degree of harm, public danger, ontology of an administrative offense, epistemology of an administrative offense, composition of an administrative offense, delimitation of administrative offenses and crimes, administrative responsibility, the law of dialectics.*

About the author:

BEZHENTSEV Alexander – Chief chair of administrative activity agencies of the internal affairs Saint-Petersburg university Ministry of the internal affairs of Russian Federation, lieutenant colonel of police, candidate of juridical science, do-cent (198206, St. Petersburg, ul. Pilot Pilyutov d. 1). E-mail: adovd@mail.ru

Беженцев А.А. Преобладание признака вредоносности или общественной опасности в административном правонарушении: онтологический и гносеологический подходы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 105 – 112.